

ряют этому критерию: публицистические интонации обеспечиваются, прежде всего, фигурами речи, выражающими эмоциональное настроение авторов. Несмотря на то, что эссе – жанр, не претендующий на анализ, жанр-размышление, некоторые элементы критического анализа в изученных публикациях все же имеются.

Список литературы

1. *Кадиева К.* Пушкин и Окуджава. Эстетика мироощущения // Литературная Адыгея. 2002. № 2. С. 129–131.
2. Литературная критика [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.russhake.ru/poleznoe/literaturnaya_kritika.htm (дата обращения: 01.01.2014).
3. *Новиков В. И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп : электронный научный журнал. 2012. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения 01.01.2014).
4. *Схатум З.* «Нет, весь я не умру...» // Литературная Адыгея. 2002. № 3. С. 123–126.
5. *Чамоков Т.* «То мудро, что познается сердцем...» // Литературная Адыгея. 2012. № 2. С. 125–133.
6. *Чуяко Ю.* Корни правды // Литературная Адыгея. 2011. № 1. С. 83–93.
7. Эссе // Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1987 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://literatura5.narod.ru/essays.html> (дата обращения: 02.01.2014).
8. Эссе: история и особенности жанра [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://literatura5.narod.ru/essays.html> (дата обращения: 02.01.2014).

А. Н. Волгапова, И. В. Пьянзина

Научный руководитель: И. В. Пьянзина,
кандидат филологических наук, доцент (МГУ им. Н. П. Огарева)

ПОЭЗИЯ М. И. МАЛЬКИНОЙ В КРИТИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ Е. И. АЗЫРКИНОЙ

Около двух десятилетий тому назад в среде знатоков мордовской литературы Мария Ивановна Малькина была известна прежде всего как критик, литературовед, ученый. Однако уже к началу нового тысячелетия о ней заговорили как о поэте-лирике.

Впервые поэтический голос М. И. Малькиной зазвучал на страницах литературно-художественного и общественно-политического журнала «Мокша» в 1995 г. В предисловии к стихам народный поэт Республики Мордовия И. М. Девин отмечал: «Шкабавазьсь, улема, казезе сонь поэтонь ваймоса и прывийса. Сяс, маряк, изь кирде седиец, сявсь и лихтсь стихотвореният да мянь ката!» – «Скорее всего, Бог наградила ее душой и умом поэта. Поэтому не выдержало сердце, взяла и выплеснула наружу аж шесть стихотворений!» [2, с. 3]. Классик мордовской литературы воздержался от критики, предоставив читателю право самому оценить творче-

ское дарование поэта: «Аф карман корхтама – кодапт синь. Аньцек азан фкя вал: пархт!» («Не буду говорить – какие они. Скажу только одно слово: хорошие!») [2, с. 3].

Как поэт и критик М. И. Малькина выступала совместно с другими авторами в сборнике «Ниле ават – ниле морот» («Четыре женщины – четыре песни»), изданном в 1998 г. на трех языках – мокшанском, эрзянском и эстонском. В него также вошли стихи П. Алешиной, Р. Кемайкиной и А. Сульдиной.

В 2001 г. увидела свет антология «Мезе тейнек эряви?» («Что нам нужно?»), составителем и редактором которой являлась Мария Ивановна [4, с. 149]. Открывается книга одноименным стихотворением поэта «Мезе тейнек эряви?» («Что нам нужно?»).

Поэзия для М. И. Малькиной – это творческое восприятие неизмеримой тончайшей человеческой души и сердца. Так Малькина определяет многогранность словесного поэтического образа: «Сембось эсонза бта и содаф: эряфсь – куломась, кельгомась – и седиень аердамась, кенярдемась – и ризнамась... Но эрь ломанць няйсы эздост аньцек сонценнеть, няйсы васенцеда, няйсы стане, кода теенза-арам, кивок, сондедонза башка, ашезе няенде» – «Все в поэзии будто и узнаваемо: жизнь – смерть, любовь – ненависть, радость – переживание... Но каждый человек видит в них только свое, видит впервые, видит так, как будто бы никто, кроме него не видел») [3, с. 81]. Такое тонкое понимание индивидуального в словесном творчестве чувствуется в критических статьях поэта.

Постичь многогранность дарования творческой личности М. И. Малькиной, понять трепет ее души, осмыслить отчасти эзотеричную лирику поэта попыталась кандидат филологических наук, известный литературовед Мордовии Е. И. Азыркина в статье «Эрянь виздезь. Пелень тиёмс пежет...» («Жила, стесняясь. Боялась согрешить...»), опубликованной в № 9 журнала «Мокша» за 2013 г.

Проанализировав и переосмыслив поэзию М. И. Малькиной, автор исследования приходит к такому мнению: «Мария Малькиная поэзияц – тя афкуксонь поэзия, конань можна лувомс эсь лацонь философиякс, сяс мес эсонза кирди видеста и сяка пингть нюрхкяняста и мазыста азф мяль фалу таколфты эряфонь аф фкя кизефкс лангс» – «Поэзия Марии Малькиной – это настоящая поэзия, которую можно назвать своеобразной философией, потому что в ней правдиво и в то же время лаконично и красиво сформулирована мысль о вечных насущных вопросах бытия» [1, с. 106].

Несомненно, лирика Марии Ивановны не просто позволяет задуматься о жизни, она пробуждает душу, ум, помогает обратить внимание на ранее ускользнувшие от нашего внимания проблемы. Исследовательница выделяет круг актуальных и в то же время вечных философских проблем, которые поднимаются в стихах поэта: «Местема ломанць шачи мастор-

лангу? Кода етафтсыне Шкаень максф шинзон-кизонзон? Мезьса ломанть павазоц? И кода сонь сатомс? Мес мекольдень пингть коль юмафневи визьксонь содамась?» – «Зачем человек рождается на Земле? Как прожить данные Богом дни, годы? В чем счастье человека? И как его достичь? Почему в последнее время исчезает чувство совести?» [1, с. 102].

Поэт не может дать конкретных и однозначных ответов на поставленные вопросы. Ведь у каждого человека своя экзистенция, своя философия жизни. М. И. Малькина лишь пытается в какой-то степени понять внутренний мир людей, живущих «на дне», лишенных человеческих ориентиров, морально опустившихся и тем самым искоренивших в себе все ценности души.

В поэзии Малькиной присутствует прием наложения авторского и читательского образов. Лирический герой, открывая свою душу, словно оживает в нас. В нем мы порой узнаем себя:

Пичедян мон аныцек фканкса:
Масторлангу лядыхть тевне –
Нинге эряфонь ки лангстон
Апак кочкакть еряф кевне...

(Меня тревожит лишь одно:
Оставлю в мире я дела –
Еще на жизненном пути
Не все камни свои собрала...) [1, с. 103].

Эти строки взяты из стихотворения «Пичедян мон аныцек фканкса» («Меня тревожит лишь одно»), основной идеей которого является покаяние, ведь лишь раскаявшийся, чистый душой человек не боится смерти.

В Евангелии есть такие слова: «Время разбрасывать камни и время собирать их». Вот какое толкование дает им Елена Азыркина: «Кевонь ерямась эряви шарьхкодемс кода кальдявонь тиема. А кевонь кочксе-мась – инксост питнень пандомась, каендамась... Пара – виденцясь. А кинь ули виденцямшкац, сянть ули каендамшкацка» – «Разбрасывание камней следует понимать как грехи. А собиране камней – искупление грехов, покаяние... Главное – признаться в содеянном. А кто признается, тот сможет и покаяться» [1, с. 103].

Многие стихотворения поэта проникнуты мотивами усталости и безысходности. По мнению Е. И. Азыркиной, эта своего рода мрачность в лирике Малькиной связана с современной действительностью. Лирический герой не находит счастья в повседневной жизни, он настолько устал от проблем, что ему не хочется жить. И, скорее всего, лирический герой не одинок в своих ощущениях. Читатель переживает вместе с ним. Эти мотивы отчетливо проходят через стихотворения «Шкабаваскяй, пади, оцю грехсан» («Господи, в большом грехе, наверное, я») и «Эряфсь, марьяк, мезьге ни аф кази» («Больше нечего ждать от жизни»). По этому по-

воду исследовательница пишет: «Тяфтама пингть кой-коста аф сатни мала ломань, кона мульт эрявикс валхт “ароптомс”, “валхтомс” ваймоста стакать, басямс, ужалдемс. Поэтти фалу лезнесь тядясь. Авторсь аф максси конкретной образ, характеристика, но шарьхкодеви, што тя ульсь еню, валда вайме мокшава, эряфонь смузень шарьхкоди ломань» – «...В такое время часто не хватает близкого человека, который смог бы подобрать нужные слова, чтобы “очистить”, “снять” камень с души. Поэту всегда помогала мать. Автор не дает ее конкретного образа, характеристики, но совершенно ясно, что это была умная мокшанская женщина, человек светлой души, постигший смысл жизни» [1, с. 104].

Примечательно, что поэзия Марии Малькиной изобилует диалогами. Такая индивидуальная черта ярко характеризует своеобразие творческой манеры писателя. По мнению Е. И. Азыркиной, эта особенность связана с фольклорной традицией: «Штоба улель кафта ломанень фкя-фкянь мархта корхнема, стихотворенияса, лирической геройда башка, улихть бта персонашт, сяда видеста азомс – персонажень “цильфт”, мялямось обраст, конатнень мархта корхни лирической геройсь» – «Чтобы получился разговор двух людей, в стихотворении, кроме лирического героя, есть персонажи, точнее – “тени” персонажей, памятные образы, с которыми беседует лирический герой» [1, с. 104].

Отмеченный ранее в лирике М. Малькиной мотив усталости, скорее всего, в какой-то степени связан с детскими воспоминаниями. В ряде стихотворений автор возвращает лирического героя в мир детства и именно там порой находит причины печальной, тревожной жизни.

Не обходит стороной Мария Ивановна и тему любви. Однако и в любви лирический герой поэта несчастен. Он одинок: «Стака лирической геройти съкамонза, но вии ломаттнень тяфтапт ни промозсна: катк ули кемонень-крда стака, но видешишь – видеши» – «Тяжело лирическому герою одному, но таков удел сильных: пусть в десятки раз тяжелей, но правда есть правда» [1, с. 106].

М. И. Малькину – человека из деревни – волнует проблема вымирания мокшанских деревень, опустения домов. Эта тема не нова в мордовской литературе. Ранее к ней обращались И. Кудашкин, В. Кригин, В. Лобанов, П. Алешина, Р. Орлова и многие другие. В стихотворении «Кодак аныцек пяле венясь сай» («Как только наступает полночь») Мария Ивановна через образ Юрхтавы – Богини-женщины, взятый из мордовской мифологии, показывает разрушение домашнего очага, деградацию деревни в целом [1, с. 106].

Мария Ивановна Малькина обратилась к поэтическому творчеству уже в зрелые годы своей жизни. Однако уже первые лирические стихотворения автора заявили: светоч ее таланта ярк и многогранен. Несомненно, Мария Малькина вошла в плеяду современных мордовских по-

ЭТОВ.

Список литературы

1. *Азыркина Е. И.* Эрянь виздезь. Пелень тиёмс пежет... // Мокша. 2013. № 9. С. 101–106.
2. *Девин И.* Критиксь сермады стихт // Мокша. 1995. № 12. С. 3.
3. *Малькина М.* Литературать вандыец ули // Мокша. 1996. № 8–9. С. 80–89.
4. *Меркушкина Л. Г.* Педагог, поэт, ученый // Народное образование. 2002. № 6. С. 146–149.

К. В. Воронцова

Научный руководитель: В. Г. Щукин,
профессор института восточнославянской филологии
Ягеллонского университета (г. Краков)

ЭВОЛЮЦИЯ НЕГАТИВНЫХ СТЕРЕОТИПОВ О ПОЛЬШЕ И ПОЛЯКАХ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Понятие «сверхтекст» в современном литературоведении является очень востребованным и служит ученым прекрасной базой для работы с объемными культурными пластами и локальными мифами, однако все еще требует уточнения. Оно зародилось первоначально в такой сфере науки, как теория информации, а затем распространилось и в гуманитарные дисциплины. В английском языке устоялся термин *hypertext*, который применялся по отношению к системам независимых данных, соединенных между собой гиперссылками. Самым известным гипертекстом на сегодняшний день считается Всемирная паутина, Интернет.

В гуманитарных науках Европы и Америки до последнего времени существовало неразделение терминов «сверхтекст» и «гипертекст», однако Н. Е. Меднис в своих работах по данной проблеме – «Сверхтексты в русской литературе» и «Феномен сверхтекста» – уточняла, что каждая библиотека по сути своей является гипертекстом, так как представляет собой простое множество текстов, в то время как сверхтекст предполагает наличие отношений между отдельными элементами системы. По мнению исследовательницы, сверхтекст представляет собой «сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [8, с. 15]. Кроме того, Н. Е. Меднис обязательной характеристикой сверхтекста считала культурную составляющую, понятную и ценную для широкого круга референтов.

А. Г. Лошаков определяет сверхтекст как «ряд отмеченных направленной ассоциативно-смысловой общностью автономных словесных текстов, которые в лингвокультурной практике актуально или потенциально